

Олег Левитан

Дорожное эхо

Петроградская сторона

Олег Левитан
Дорожное эхо

«Геликон Плюс»

2016

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Левитан О. Н.

Дорожное эхо / О. Н. Левитан — «Геликон Плюс»,
2016 — (Петроградская сторона)

ISBN 978-5-93682-583-5

Олег Левитан — один из лучших петербургских поэтов. Мне нравятся его стихи, в них представлена жизнь обычного человека со всеми ее радостями и неприятностями. Стихи хороши тем, что в них нет модных выкрутасов, они верны русской поэтической традиции, кроме того, обладают юмором — редким качеством для поэзии. Левитан владеет «будничным» словом, которое так ценил Иннокентий Анненский. Со стихами Олега я познакомился еще в начале 70-х, и мне нравится его эволюция: это подъем в гору, а не спуск.
Александр Кушнер

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-93682-583-5

© Левитан О. Н., 2016
© Геликон Плюс, 2016

Содержание

Морские сны	6
Остров Буян	6
Кладбище судов	8
Портрет рыбака	9
Корректор штурманских пособий	11
Нулевой меридиан	12
Море	13
Айсберг	14
Первый трал	15
Перед утренней вахтой	16
«Не спали Рекс и капитан-директор Волков...»	17
Промысловая баллада	18
Акула	20
Монолог рыбака	21
Фамилия	22
«Когда шторма швыряют судно...»	24
«Процессы облакообразования...»	25
Волна	26
Баллада о лошадях острова Сейбла	27
Баня	28
Явление природы	30
Вельбот	31
Мертвый штиль	33
«Луна Бристольского залива в сентябре...»	35
Кот на траулере	36
Элегия	37
Эльсинор	38
Возвращение	42
«Тихо. Грустно. Я один...»	42
Вид из окна	44
Ночью	45
«Деревья – как люди: в ненастное время печальны...»	46
Осенний сон	47
Первый снег	48
«Иней на окнах. За ними мороз...»	49
Кот	50
Омар	51
Визит	52
Гомер	53
Плафон	54
Шкаф	55
Посещение южного рынка	57
Двое	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

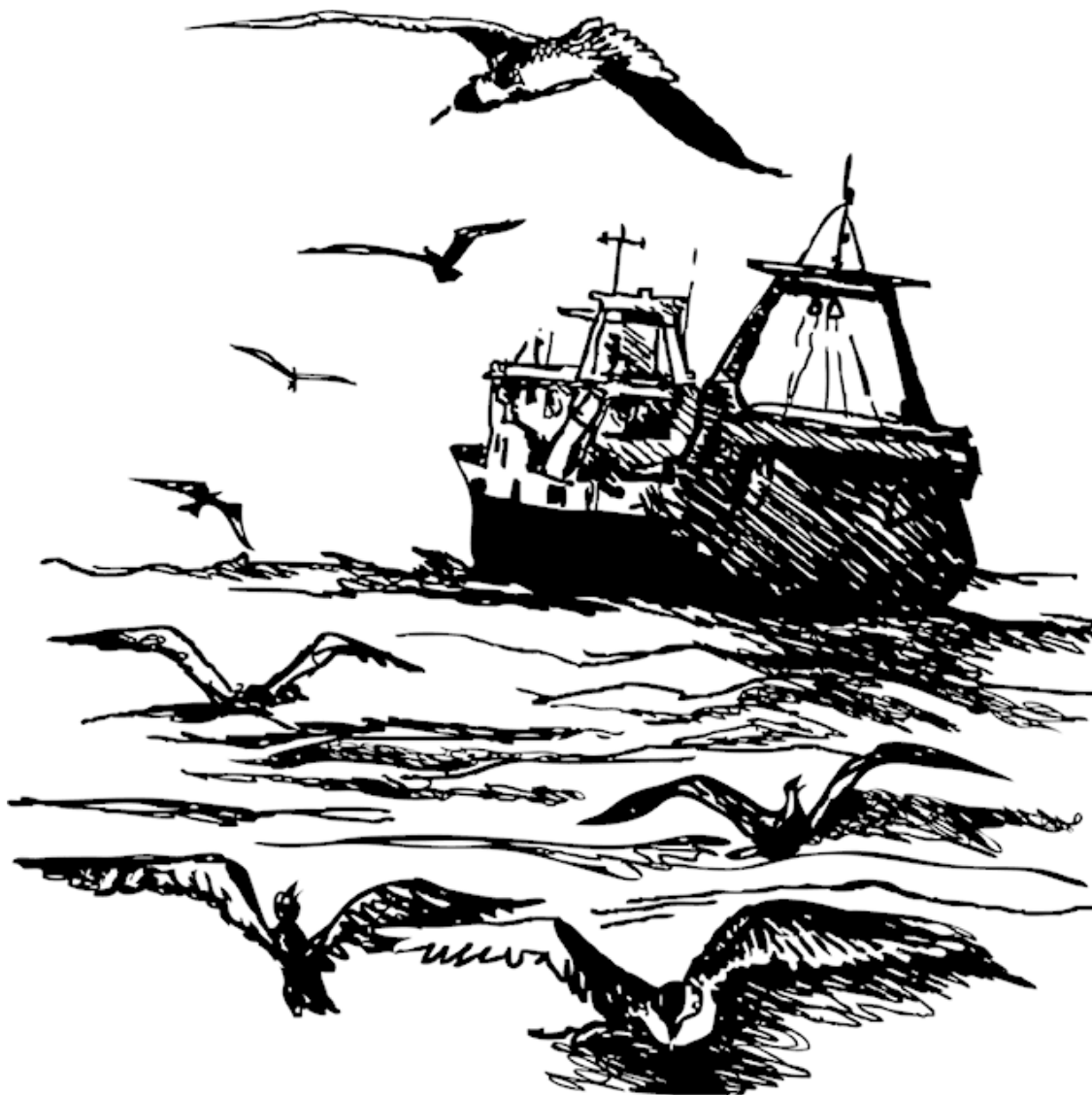
Олег Левитан

Дорожное эхо

© Левитан О., текст, 2016.

© «Геликон Плюс», макет, 2016.

Морские сны

Остров Буян

Нету острова Буяна...
Море есть, и – верь не верь! —
знаю я в том окаянном
море каменную твердь.

Не палят с утеса пушки.
Не спешит заморский гость.
Только клочья мхов разбухших
да маяк торчит, как гвоздь...

Чайки кружат неустанно.
Ветры – с четырех сторон.

Ну скажите, – чем Салтана
удивить здесь мог Гвидон?..

Нету острова Буяна!
Но живет еще пока —
вечно злой и полупьяный —
самодержец маяка.

У него щека колюча.
На фуражке «краба» след.
Он с утесом неразлучен
не один десяток лет.

Мы с ним выпьем по стакану,
я скажу, багров как рак:
«Нету острова Буяна!»
Он ответит мне: «Дурак!..»

1969

Кладбище судов

В затоне
Турухтанного ковша,
на питерской окраине унылой, —
они лежат, уткнувшись в берег стылый,
на глину струпья ржавчины кроша...
Спят, не дождавшись доков и верфей —
морской буксир, и баржи-самоходки,
и сухогруз, и целых три подлодки,
и рыжий сейнер с именем Орфей...

Здесь камыши всё выше с трех сторон,
чтоб со своим уроном каждый свыкся,
и сторож – как отставленный от Стикса
по старости и немощи Харон;
здесь сквозь туман слышны издалика
гудки судов, что уплывут далёко —
а кладбище молчит во сне глубоком,
лишь при гудках вибрирует
слегка...

1982

Портрет рыбака

Рыбак пирует в ресторане «Нарва».
Он с рейса только что, и потому —
какая-то, я извиняюсь, лява
без клея плотно клеится к нему!

С такою-то, я извиняюсь, рожей!
Да он женат, какого ей рожна?
Но так и льнет, зовет его Сережей,
хоть звать Сергей Аркадьевич должна!

А он и рад, что все идет – как надо,
что деньги есть и не о чем тужить!
И лучший вытрезвитель Ленинграда —
готов его принять и обслужить.

Морских трудов у трапа скинув глыбу,
он хвастает, как в голубой дали —
полгода целых честно шкерил рыбу!
– А вы бы там и дня бы не смогли!

А вы бы там, чем окунь хуже хека,
узнали бы, попробовав хоть раз,
как от шипов ладони человека
становятся размером с ваш анфас! —

И кажет всем корявую десницу,
и жаждет понимания в ответ,
и мимо проходящую девицу
протяжным взглядом долго греет вслед...

Но должного вниманья нет к беседе.
И он, отметив это, смотрит зло...
И на него с опаскою – соседи.
И ляву ту – как ветром унесло.

И он встает, оркестру величаво
заказывает песню: «Про звезду!»
И верный руль закладывает вправо,
роняя стул и фикус на ходу!

И – в ночь, в такси! А там – тепло и просто...
И клонится – к таксистову плечу.
– Куда поедем, дядя? Где живешь-то?
– Домой не надо! На корабль хочу!

И едет в порт, разбрызгивая лужи, —
вдоль речки, стройки, пустоши ночной...
И коньячок заначатый поглубже
припрятывает перед проходной!

И выглядеть старается построже,
хоть в нем уже чуть теплится душа...
И, как четыре ангела, к Сереже —
по трапу вниз слетают кореша!

А он покочевряжится, с минуту,
и вот уже – блаженный и ничей...
И – ввысь его, во тьму его, в каюту!
Подальше от старпомовских очей...

1986

Корректор штурманских пособий

Страничку поправок держа под рукою,
корректор склонилась над картой морскою —
гуляет весь день по морям и проливам
ее карандашик в труде кропотливом...

Такая работа, такая забота —
следить, чтобы там не случилось чего-то,
чтоб штурман готов был к любому сюрпризу!
Я отблеск волны на щеке ее вижу...

Я вижу, как море сквозь пальцы проходит,
когда она крестик кружочком обводит.
Скользит вдоль Шотландии, локтем примятой,
русалочий взгляд ее зеленоватый...

И сам я не прочь оказаться в том море,
в значками размеченном пенном просторе —
на палубе шаткой, соленой и рыжей,
лишь только б к руке смугловатой поближе!..

Все так бы и было – когда б не опаска,
что плаванью будет помехой огласка,
когда б не кольцо, что уютно и зыбко
на пальце блестит – золотое, как рыбка...

1978

Нулевой меридиан

С растяжкой, как мелкий интриган,
четвертый штурман рывкнул по трансляции:
«Проходим нулевой меридиан!
Желающих – прошу полюбоваться!..»

Ах, штурман, ах, шутник!
Однако все,
кто в первый раз, пошли смотреть на море —
просторное, шумящее в мажоре,
пустынное во всей своей красе...

И все-таки какая-то черта
была – и ощущалась, словно мука,
ведь наступала долгая разлука,
любым былым разлукам не чета!..

И думалось – зачем плывем, куда?
Быть может, не вернуться никогда нам!
Быть может, мы исчезнем навсегда
за этим нулевым меридианом!..

Но «старики» сражались в домино,
плюя на эти шутки и печали...
Они черту прошли, и так давно,
что вообще ее не замечали!

1973

Море

Вдохнулось мне. Вдыхает море.
И я подумал с тихой нежностью:
у нас полнейшая гармония,
у нас созвучье душ полнейшее.

Проснешься утром – и потянешься.
И море – вширь – на полпланеты.
И нет ему нигде пристанища.
И мне нигде покоя нету.

По десять раз в любую сторону
меняем за день настроение.
И – то ему тепло, то холодно,
и мне – то сине, то сиренево...

1973

Айсберг

Подобный
божьей каверзе,
возник он – не таящийся,
от нас на правом траверзе
все выше становящийся,
раскачанный, как маятник,
в ручьях весь, будто с насморком —
не айсберг, Айсберг-памятник
всем неизвестным айсбергам!..

Его друзья-приятели
давно азарт оставили,
давно за ним в кильватере —
отстали и растаяли...
А он маршрутом странников
плывет, волну ворочая —
титан, гроза «Титаников»,
и прочая, и прочая!..

На юг, в края беспечные,
на все деньки остатные...
– Эй, мореходы встречные,
вы там поаккуратнее!
И повстречав нечаянно
среди тумана ватного,
не трогайте молчания —
его, зеленоватого...

1973

Первый трал

Пришли под вечер.
Океан роптал —
и нервничал, и не скрывал волнения...
А утром мы подняли первый трал —
событие не хуже дня рожденья!

И – рыба, рыба!
Целых десять тонн!
Считать на всех – по сто кило на брата...
Вот *окунь* – пучеглаз, как император.
колюч, как еж, и красен, как пион...

Грозил пастью – каждый зуб кинжал! —
пятнистая, как леопард, *зубатка*...
И *палтус*, сдвинув глазки, возлежал —
и было видно, что ему не сладко...

А вот *налим*, как тот казак в загуле —
усаами тряс, искал себе врага...
Сверкала *сельдь*, но *сельдяной акуле*
был свет не мил и жизнь не дорога...

Морской карась, как рекрут от тоски,
то взбрыкивал, выскакивал из массы —
то замирал по струнке, у *трески*
приметив генеральские лампы...

А вслед *макрурус* хвостиком мотал,
мерцал огромным красноватым оком...
И снова – *окунь*,
окунь,
окунь!
Я брал его и в противни кидал.

...В цеху аврал – мельканье лиц и рук.
Сосед под ноги сплюнул папироску:
– Прости нас, рыба!
Вот он, твой каюк, —
тележку повезли на заморозку!..

1973

Перед утренней вахтой

Любезные товарищи мои
(пока во сне – за сотни миль отсюда
я находился, счастлив, словно бог,
и только одного боясь – проснуться),
любезные товарищи мои
(пока во сне – дыханье затаив
и очутившись в комнате ее,
садился я на краешек постели),
любезные товарищи мои
(пока во сне – поправив одеяло,
я на нее, уснувшую, глядел
и имя Оля с нежностью шептал),
они в ночи, не ведая печали —
там, на корме, в свету прожекторов! —
трал ставили, курили, ожидали,
прикидывали в мыслях свой улов...

Уже динамик прямо в мой эдем
транслировал: «Давай, помалу вира!
Еще помалу!» – словно тралом тем
зачерпнуты сокровища полмира...
Я просыпался...
Открывались взору
каюта, ночь, блеск моря,
а потом —
рыбмастера шаги по коридору
и шепот в дверь:
«Эй, корефан, подъем!...»

1973

«Не спали Рекс и капитан-директор Волков...»

Не спали Рекс и капитан-директор Волков...
Не потому, что был поставлен трал, —
пес из каюты смылся в самоволку,
а капитан бессонницей страдал.

Был ночи третий час. Была путина.
И с мостика – и справа, и левой —
одна и та же виделась картина:
мерцающие грозди кораблей...

И думал капитан: «Вот жизнь собачья!
За рыбой вслед по миру беготня...
Полжизни морю отдал, а на сдачу —
за всю-то жизнь два-три счастливых дня!..»

И думал пес: «Скучища – нету мочи!
Вода, железо – нюху б не пропасть...
Эх, нет луны, а то бы взвыл по-волчьи
так, чтоб сводило судорогой пасть!..»

Так думали они в печали странной...
Рекс почему-то вспомнил, как щенком —
он бабочек ловил...
А капитану —
припомнился Саратов, детский дом...

Потом Рекс спать пошел.
За ним и Волков.
...И только окунь, где-то под водой,
от трала убежал и втихомолку —
печалился о жизни прожитой...

1973

Промысловая баллада

Тралмейстер и штурман – вот главные на корабле,
и каждый из них сам себя полагает главнее! —
когда стая скумбрии в синей нащупана мгле
и трал нараспашку все ближе крадется за нею...

Вы скажете: штурман! Он долго смотрел в эхолот,
он рыбный косяк раньше всех опознал на экране!
Два дня нет улова, и вот – разворот и заход,
и всё как по нотам – при этой волне и тумане...

Но разве тралмейстер, сам лично поставивший трал,
поставивший на кон пятнадцатилетний свой опыт, —
на траловой палубе зря свою вахту гонял?
Пусть голос пропит у него, но талант-то не пропит!

А там, в синей мгле – от просторного трала на шаг, —
где сытный планктон пожирает родимая стая,
в своих эмпиреях витает скумбрийный вожак
и мощным хвостом вправо-влево поводит, витая...

Едва ли он знает, что гибель спешит по пятам,
что волны шумят наверху, как галерка в театре,
что хищные боги к добыче готовятся там,
мечтая, чтоб сразу – и вахты на две или на три!..

Но если сейчас он опасность – учует, узрит,
то вся его стая любое движение разом
мгновенно и точно вослед вожаку повторит!
И эта готовность не меньше, чем опыт и разум...

...И штурман, тревожась, меняет – то скорость, то курс.
И щупает тросы тралмейстер, покоя не зная...
У скумбрии этой – и стоимость выше, и вкус, —
но рыба она мускулистая и скоростная!

И чайки кричат, мельтеша за кормой невдали,
и крик их подобен то смеху, то бабьему всхлипу!
И громко железом в железо стучат кухтыли —
когда наш улов наконец выползает по слипу!

Огромный сачок, стометровой – не меньше – длины!
И если бугрится лишь в самом конце и не туго —
нет мыслей мрачнее и жарче, которых полны
тралмейстер и штурман, что молча глядят друг на друга...

1978

Акула

Мы выловили крупную акулу,
а думали, что скумбрии косяк.
Акула побрыкалась – и заснула,
издохла, значит, так ее и сяк!..

И сразу на корме, как в зоопарке —
толпа, и негде яблоку упасть,
и кто-то там пихал акуле палку
в свирепую ощеренную пасть.

И целясь в наши бронзовые скулы,
бесстрастно щелкал аппарат «Зенит» —
старпом, матрос-лебедчик и акула;
акула и котельный машинист...

А боцман – точно рыцарь из Ла-Манчи,
тошмой мужик лет сорока семи, —
акулу оседлав, упрямо клянчил:
– А ну, а ну, вот так меня сыми!

Сквозило. Вечерел в сторонке айсберг.
Рыбацкий пес привычно блох искал.
И капитана молчаливый абрис
уже не раз на мостике мелькал...

И уделив потехе час, не боле,
решив убрать все лишнее с кормы,
чудовище смайнали тросом в море:
Плыви, мол, остальных акул корми!..

И вдруг с веселых лиц улыбки сдуло,
и боцман, оглянувшись, побледнел:
акула – наша дохлая акула! —
вильнув хвостом,
исчезла
в глубине...

1974

Монолог рыбака

И рыбы нет. И нет покоя
в одном из пасмурных морей.
И на душе моей – такое!
Такое на душе моей!..

Еще вчера под рев лебедки
тралмейстер матерно орал —
килограммовые селедки
в гостеприимный лезли трал!..

Еще вчера я шел вразвалку,
в столовой жадно пил компот,
и мне официантка Валька
тайком сказала, что – придет!

Еще вчера все было просто...
Зато сегодня все не так!
Тралмейстер, злясь на все расспросы,
показывает всем кулак.

И чаек нет. И море стирку
затеяло. Нависла мгла.
И трал пришел пустой, как дырка...
И Валька так и не пришла.

1975

Фамилия

Фамилию известную ношу,
и многим не дает она покоя.
– Не родственник ли? – Нет, – произношу
с привычным сожаленьем и тоскою.

Но вижу, что не верят все равно,
подозревают, что в родстве повинен —
и с живописцем, умершим давно,
и с диктором, что памятен донныне...

Товарищи, я к вам без дураков,
вопрос закрыт, и все намеки – всеу!
Я сам с усам и с помощью стихов —
сам говорю и сам живописую!

Вопрос закрыт, но с должной прямою
сквозит за ним вопрос национальный!
У нас тут в море трал пришел пустой —
причиной объяснен оригинальной.

Сгибая пальцы, сам из вологжан,
виновников подсчитывал Петрович:
– Левицкий в рубке! В цехе Миттельман!
Плюс Левитан, Исаков, Абрамович!

– Постой! Ведь Абрамович – белорус,
Исаков – русский, да и я – из псковских!..
– Из псковских, говоришь? – и крутит ус. —
Брось парень, брось, видали мы таковских!

Когда же штурман поднял полный трал,
Петрович сам, хлебнув чайку из фляги,
весь в чешуе, на палубе орал:
– Ух, молодцы евреи, молодчаги!..

И греб треску лопатою в «карман»,
а там, внизу, где каждый одинаков,
ее пластали все – и Миттельман,
и я, и Абрамович, и Исаков!..

И вот что я подумал: вся беда —
не в нациях и не в утятах гадких,
а в том, что нет условий для труда,
зато полно проблем и недостатков!

А если дело спорится, ей-ей! —
в любом занятье никому не тесно,
и там не важно – родственник ты чей,
да и в анкету лезть не интересно...

1981

«Когда шторма швыряют судно...»

Когда шторма швыряют судно
то в небо, то наоборот,
когда не то что неудобно,
а просто оторопь берет,
и твой сосед лежит в каюте
чуть жив, лицом белей, чем мел, —
он шел в моря, чтоб выйти в люди,
он еле в койку влезть сумел! —
тогда и ты в тоске безмерной
сидишь, кляня весь белый свет,
и в рундуке рукой неверной
ища спасательный жилет...

Но перевернута страница!
И, от хлопот отяжелев,
утихнет шторм, угомонится,
вернет на место дымный шлейф!
И вот уж ночь с зарей толкуют
о видах завтрашнего дня,
и волны из одной в другую —
переливаются, звеня...
И отпихнув жилет дурацкий,
ты выйдешь вновь на белый свет,
и он прильнет к тебе по-братски —
он слов твоих не вспомнит, нет...

1975

«Процессы облакообразования...»

Процессы облакообразования...
Вот, от старпома выйдя, зол и хмур,
на палубе присел Калугин Ваня,
и закурил, и горестно вздохнул...
Вот вздох его, в полете обрстая
парами, что вздымаются от вод —
то уплотняясь формой, то тая —
степенно покоряет небосвод...
И вот уже плывут к востоку тучи —
лиловые от Ваниной тоски!
А будь старпом в беседе с ним почутче —
вздыхать и злиться было б не с руки...

Любимая!
Мне было не до шуток,
когда, во сне про прежнее житье,
я снова вспомнил – через столько суток! —
внезапное замужество твое...
Вчерашняя моя!
Позавчерашней
среди штормов и штилей становясь,
о, согласишься, нет ничего пустяшней,
чем та меж нами тинькнувшая связь!
И этот сон – все дальше, все забытей...
Но грустно мне, не знаю отчего.
И облака плывут в твоём зените —
рожденные от вздоха моего...

1974

Волна

Сегодня нам не выспаться опять!
Сегодня вновь откуда-то с востока
пришла голубоокая морока,
пришла – взметнулась звонко и высоко,
в иллюминатор глянула – и вспять!..

Мы – с вахты. Мы на отдыхе – вдвоем.
Сосед свой тельник порванный заштопал
и влез в постель свою, как в пробку штопор.
Какой-то слон по палубе протопал —
не иначе, как камбузник с ведром!

А гостя стонет, бьется о стекло,
как будто молит: «Люди! Бога ради!
Смотрите, у меня седые пряди!
Я потеряла путь к моей отраде,
и сердце мое горем истекло...»

И вспомнился старинный тот сюжет...
И я подумал: вдруг она – Ундина!
Но что Гульбранду рыбная путина,
Здесь, в Лабрадоре, нынче холодина,
а рыцарь и Бергальдою согрет!..

Но прав Жуковский – бедная волна!
Так лишь любви пропавшей ищут – где ж ты? —
в отчаянье, граничащем с надеждой,
в какие бы ни пряталась одежды
и в ком бы ни была воплощена...

Летит волна. Волнует и томит.
Мешает спать. И думать над тетрадью.
И так звенит, в каюту нашу глядя,
что и сосед, выдавший виды дядя,
бормочет сонно:
– Что? Никак штормит?..

1975

Баллада о лошадях острова Сейбла

На Сейбле – песчаном клочке с океаном вокруг,
который шалает при виде песчаной земли, —
в бинокле возникнут косматые лошади вдруг...
Когда-то мы – люди – с собой их сюда привезли.
Но люди гораздо раздоры чинить меж собой!
И вот учинили – и шустро взялись за ножи,
и пули над островом пели про смерть вразнобой...
Кончаются плохо во все времена мятежи.
Кто смог, тот отчалил с проклятьями на материк —
за новой судьбой, поцелуями, дракой, тюрьмой.
Последняя пуля в последний отчаянный крик
поставила точку – и остров исчез за кормой...
Кто знал, каково им, гривастым, оставшись без нас —
в суровые зимы, в штормах и туманах подряд! —
сбивая копыта, к траве пробиваться сквозь наст
и брюхом мохнатым стараться согреть жеребят?
Но выжили лошади – трудностям всем вопреки!
Росло поголовье, хоть пастбищ не сыщешь скудней.
Чуть стали приземистей, но быстроноги, легки —
и долгое время совсем не боялись людей...
И если швыряло разбитый корабль на песок,
и спасшийся некто – истерзанный, в смертных слезах! —
в себя приходил, он готов был поверить, что Бог
на лошадь похож, что склонялась над ним в небесах...

1975

Баня

В банный день,
в день, праздничный по сути, —
через борт! – ликующим пластом
с тяжким гулом плюхнувшись на юте,
мир затмив, разбив стакан в каюте,
нас настиг южнее Сейбла шторм...

И опять – удар и шум обвала!
Но всего сильнее – в третий раз...
Взвился вал – темно и небывало,
и когда махина миновала —
двигатели смолкли, свет погас!

Взвился вал – тряхнул, шарахнул, вздыбил!
Развернул с востока нас на юг!
Что-то там замкнул, сломал и выбил...
И тогда рыбацкая погибель
смутно замаячила вокруг...

– Эй, в машинном! Что там, нет ли течи?
Что там в рубке, в чьих руках штурвал?
...А в ответ, мурашками на плечи,
на нечеловеческом наречье
кто-то что-то в «спикер» прорычал!..

И понять не в силах слов значение
и поганый чуя оборот,
похватав жилеты без смущенья,
побежал, средь качки и вращения,
к трапу верхней палубы народ!

А из бани боцман – голый, в мыле —
вылезает, слыша, как бегут,
и кричит в своем матером стиле:
– Что за суки воду отключили?!
Мыло смыть, бакланы, не дают!

Вот кто был не в курсе однозначно —
в баню влезший раньше всех на час,
веничком напарившийся смачно!
И сказал матрос-лебедчик мрачно:
– Потерпи,
домоешься сейчас!..

И дрожал фонарный луч на теле —

на суровой боцманской красе,
и забыв, куда бежать хотели,
миг-другой мы на него глядели,
а потом – захохотали все!..

И так странно,
что под этот хохот
вдруг возникли снова свет и связь!
И в машинном – двигателей рокот
стал расти, вплетаясь в шторма грохот!..
И гибель мимо пронеслась.

1977

Явление природы

Мы видели – как солнце багровело,
снижаясь над блестящим горизонтом,
и птица-чайка с криком то и дело
металась над снижающимся солнцем...

И в миг, когда оно, наполовину
расплесканное зыбью окаянной,
исчезло —
неожидан и малинов,
волшебный луч восстал из океана!

Как перст судьбы над дымкою лиловой,
до самого зенита восходящий,
как меч Господень, страшный и суровый,
неведомо кому еще грозящий!..

Секунды шли. А чудо длилось, длилось...
Луч словно оплавлялся у подножья...
Как если бы сменился гнев на милость
и лезвие меча влагалось в ножны...

И всё. И только волны небо лижут.
И нам пора в столовую на ужин...
Я перерою уйму умных книжек —
ища ответ, который мне не нужен:
дисперсия...
дифракция...
эффекты...

И сон придет – цветной, необычайный.
И чей-то голос скажет с грустью:
«Эх, ты!
Ну кто мы есть, ну что мы есть – без тайны?»

1975

Вельбот

Вчера пришвартовались к плавбазе для сдачи рыбы. А сегодня нас попросили врачей с плавбазы на траулер «Берилл» перевезти, там у рефмашиниста аппендицит, что ли...

Из дневника

И было так: держа коробки, склянки,
врачи бодро влезли в наш вельбот.
«Стажерки, – я подумал, – практикантки», —
и отдал гак, и рядом сел на банке...
Мотор чихнул, и мы пошли вперед.

А в океане при такой погодке —
на гребни волн смотри да не зевай!
Нас тут же и хлестнуло посередке,
промокли их ажурные колготки...
Одна сказала: – Ой! – другая: – Ай!

– Ой, мальчики, какой ваш катер старый!
– Он не утонет, этот драндулет?
– А вас как звать?
– Нас Таней!
– Нас Тamarой!
Блондинке Тане шел румянец алый...
И молодые обе – наших лет.

И штурман наш, окидывая дали
суровым взором и пожав плечом,
велел, чтоб им брезент – укрыться – дали,
ему мешали женских тел детали...
Кто был в морях, тот знает, речь о чем!

Когда ты пятый месяц в этой качке,
и не женат, и не анахорет,
и никогда к буфетчице иль прачке
не скребся в дверь с бутылкой из заначки —
колготки видеть трудно, спору нет...

И он рулил, с волнами в поединке —
то падал в бездну, то вздымался ввысь!
Но от румянца дивного блондинки —
в его глазах растаявшие льдинки
горючим карим пламенем зажглись...

И он уже шутил с ней то и дело,
и говорил «аймсори», и она —

склонив лицо, смущаясь до предела,
во все глаза на штурмана глядела,
красой и мощью всей потрясена!

Вот, Господи, любви счастливый случай,
вот двух сердец стремительный привет!..
И долго руль скрипел в руке могучей,
ведя вельбот к разлуке неминуемой —
на траулера ржавый силуэт!

...Со стороны подветренной причалив,
мы помогли на трап им перейти.
И вот уж нам «спасибо!» прокричали,
и каблучки все выше застучали...
А мы смотрели, Господи, прости!

Потом назад поплыли, как в тумане,
и только штурман произнес: — Ну вот...
Что означало: в этом океане —
в сердечном плане и в лечебном плане —
одним аппендицитчикам везет!

1975

Мертвый штиль

В вечерний час на океан —
пока он мертвым штилем пьян —
тьма налагает свод небесный...
И долго стынет шов сварной
над непомерной шириной,
объединяя бездну с бездной...

И Млечный Путь макает хвост
в наш пенный след, и стаи звезд,
как рыбы, плещутся в глубинах...
И спутник или сателлит —
один летит через зенит,
как дух на крыльях голубиных...

Летит над нашим кораблем,
зовет немеркнущим огнем,
чтоб весть о нем в сердцах несли мы...
И все созвездья, там и здесь,
безмолвно шлют друг другу весть —
и те, что есть, и те, что мнимы...

Чтоб в одиночку превозмочь
такой простор в такую ночь —
скажите нам, яхтсмен Чичестер,
надежно ль в лодке быть должны
снаряжены, закреплены —
компас, и весла, и винчестер?..

И ты – на палубе ночной —
будь рад, что чувствуешь спиной
жизнь за стальной переборкой!
Но вправду ль есть она?
Проверь!
И если вдруг заклинит дверь —
молчи,
не торкайся,
не шоркай!

Ты здесь никто и звать никак,
и – если этот звездный мрак
не заалееет на востоке! —
здесь делать нечего уму
здесь даже зренье ни к чему,
и сердца стук,
и эти строки...

1976

* * *

«Луна Бристольского залива в сентябре...»

Луна Бристольского залива в сентябре
подобна фее – в жемчугах и серебре.
Светло глядит на нас – сквозь радуги кольцо —
ее прекрасное и грустное лицо.

Она владеет небесами третью ночь.
Она готова заблудившимся помочь.
Она царит, и нет ей дела до парней —
свои подошвы отпечатавших на ней...

А под Луной порхает, балуясь, Эол,
несет на юг, на полуостров Корнуолл —
дыханье вереска и волн хрустальный плеск
вдоль черных скал на полуострове Уэльс.

И сам залив не спит под нашим кораблем —
то плещет жемчугом, то блещет серебром.
И стаям рыб из глубины в лучах Луны
и трал, и траулер отчетливо видны...

1975

Кот на траулере

В сушилку брошен мокрый фартук.
С рук смыты чешуя и слизь...
Перекурили после вахты —
и по каютам разошлись.
А корабельный кот Максимыч,
всю вахту бывший не у дел,
ворочал шеею массивной
и на коленях не сидел.
Он поводил роскошным усом,
и громко фыркал, осмотрясь,
и мягкой лапой трогал мусор,
и долго мягкой лапой тряс.
Когда ж я вновь метелку прятал,
мурлыкал кот – похвально, мол! —
и шел глядеть в иллюминатор
на полуостров Корнуолл.
Как будто те дома и шпили,
венчая сизые холмы —
ему такое говорили,
чего совсем не знали мы!
И так глядел зеленооко,
что робко думалось о нем:
«Что ищет он в стране далекой,
что кинул он в краю родном?..»

1975

Элегия

О чем грустят вечерние моря
в тот час, когда к волнам прильнет заря
и сумерки сиреневой ордой
с востока вскачь несутся над водой?

Они грустят о спелых облаках,
с оранжевым свеченьем на боках,
о звездах, еле видимых сейчас,
что будут падать в волны через час...

Грустят о Геркулесовых столбах,
о моряках с усмешкой на губах,
о кораблях, что спят на дне морском,
задушенные илом и песком...

Об оскуденье царств подводной мглы,
о рыбе, что вылавливаем мы,
о той, что мы увозим навсегда —
в прожорливые наши города...

Плывем.
А грусть простерлась —
над кормой,
над рубкой, над лебедкой якорной...
И над трубой летит сквозь дымный чад...
И чайки – параллельно ей летят...

1974

Эльсинор

Еще вчера нас колошматил норд,
но плыть проливом Зунд – волшебный отдых!
Мы лезли из кают на свежий воздух —
и поглазеть на замок Эльсинор...

Он приближался к нам во всей красе
туристам предназначенного шика
и, как магнит, притягивал машинки,
что катят по прибрежному шоссе.

И наш кораблик ржавеньким бочком
все норовил подплыть к нему поближе,
и датский лоцман – здоровила рыжий —
дымил по рубке пряным табачком...

Возьму бинокль у штурмана – он даст!
И руки вдруг вспотеют от волненья,
и замок – в многократном приближенье —
появится, сиренев и грудаст...

О, замок Эльсинор! Над блеском вод
о чем тоскуешь, каменный молчальник,
над берегами, над мельканьем чаек
зеленый шпиль воткнувший в небосвод?

Трава забвенья камни оплела.
Площадка под стеной бензином пахнет...
Но кто открыл окно у левой башни?
Быть может, в нем Офелия жила?

Вот пушки. Взгляд их жерл – тяжел и хмур...
И флаг с крестом кровавится уныло...
Ах, знаю я – не здесь все это было!
Но так решил великий драматург!

И никаких туристов, яхт, реклам!
Лишь сердце задрожит от резонанса,
поверив, что ровесник Ренессанса —
трагедии вместилище и храм!

И снова Время грузно мчится вспять
по заскорузлым знакам Зодиака,
и «Гамлет» – в переводе Пастернака —
лежит в моей каюте...
И опять...

Там, в замке, принц – то медля, то спеша —
по галереям вдоль перил щербатых
идет... стоит... Он знает виноватых!
Он часа ждет!
О, бедная душа,

под силу ли нести такую кладь,
такой экзамен выдержать – экстерном?
И встретив Розенкранца с Гильденстерном,
им предложить – на дудочке сыграть...

Он сам игрок!
Пусть в правилах игры
двуличны все – и он в обличьях волен!
Они больны, ну что ж, он тоже болен,
безумен даже – только до поры...

И бродит принц. И бредит на ходу.
И узнает на всем черты порока!
Живой цветок – среди чертополоха!

...А в 1602 году —
на Бред-стрит в старом Лондоне —
был пир
в таверне, именуемой «Сирена»...
Вздымались чаши. Пелась кантилена...
На том пиру – присутствовал Шекспир.

Был постный день, но жареный кабан
до косточек был съеден и обсосан.
Вино лилось рекой. И под вопросом —
была мораль...
И был хозяин пьян.

И расстегнув высокий воротник —
со школы нам известный по портрету, —
Шекспир внимал какому-то поэту,
вещавшему про творческий родник.

«Молчите все! – кричал он. —
Ваша честь!
Я написал для пьесы продолженье
про тягость Фортинбрасова правленья!
Дозвольте мне немедленно прочесть!..»

Он был настойчив. Он напротив сел.
И быть бы скуке, коль не подоспел бы
актер театра «Глобус» Ричард Бербедж,
сказавший так:

«Пойдите к черту, сэр!»

Потом усами дернул, словно кот,
и усмехнулся: «Что милей молчанья?»

Потом сказал:

«А все же не случайно —
о пьесе разговоры целый год!

Мне самому, едва лишь выхожу
на сцену в третьем акте с монологом
все чудится, что я общаюсь – с Богом
и в зале все светильники гашу...

И вижу наяву весь этот ад,
и чувствую, как трогает картина —
и шпагоносца,
и простолюдина!
И главное, как все они молчат!..

Мы – временны. Мы – гости на земле.
Актерствуем – и в жизни, и на сцене,
но роли наши краткие бесценны
учить Добру...
Так показалось мне...»

«О да, мой друг, – отвечивал Шекспир, —
в природе нет достойнее призванья
оправдывать венца природы званье
и мир лечить, пока недужен мир.

Себя увидев в зеркале, глупец —
уже умнеет! Зло – не так всесильно!
И если жизнь на отклики обильна,
то сможет стать добрее наконец...

Прекрасны миг, движение, порыв —
не уступить,
восстать пред силой грубой,
чтоб каждый понял, что ему Гекуба,
в самом себе сокровище открыв!..»

Так говорил Шекспир, потом – молчал.
В том разговоре – с другом и актером.
В том самом разговоре, о котором —
биографам никто не сообщал...

Какой был век! Каких исполнен сил!
Звезда навстречу Кеплеру летела.
В тюрьме сидел Томмазо Кампанелла.

Отрепьев Гришка шлялся по Руси...

Монах из ртути золото варил.
Костер еретика спасал от скверны.
Творец трагедий – в лондонской таверне —
о главном
в Человеке говорил...

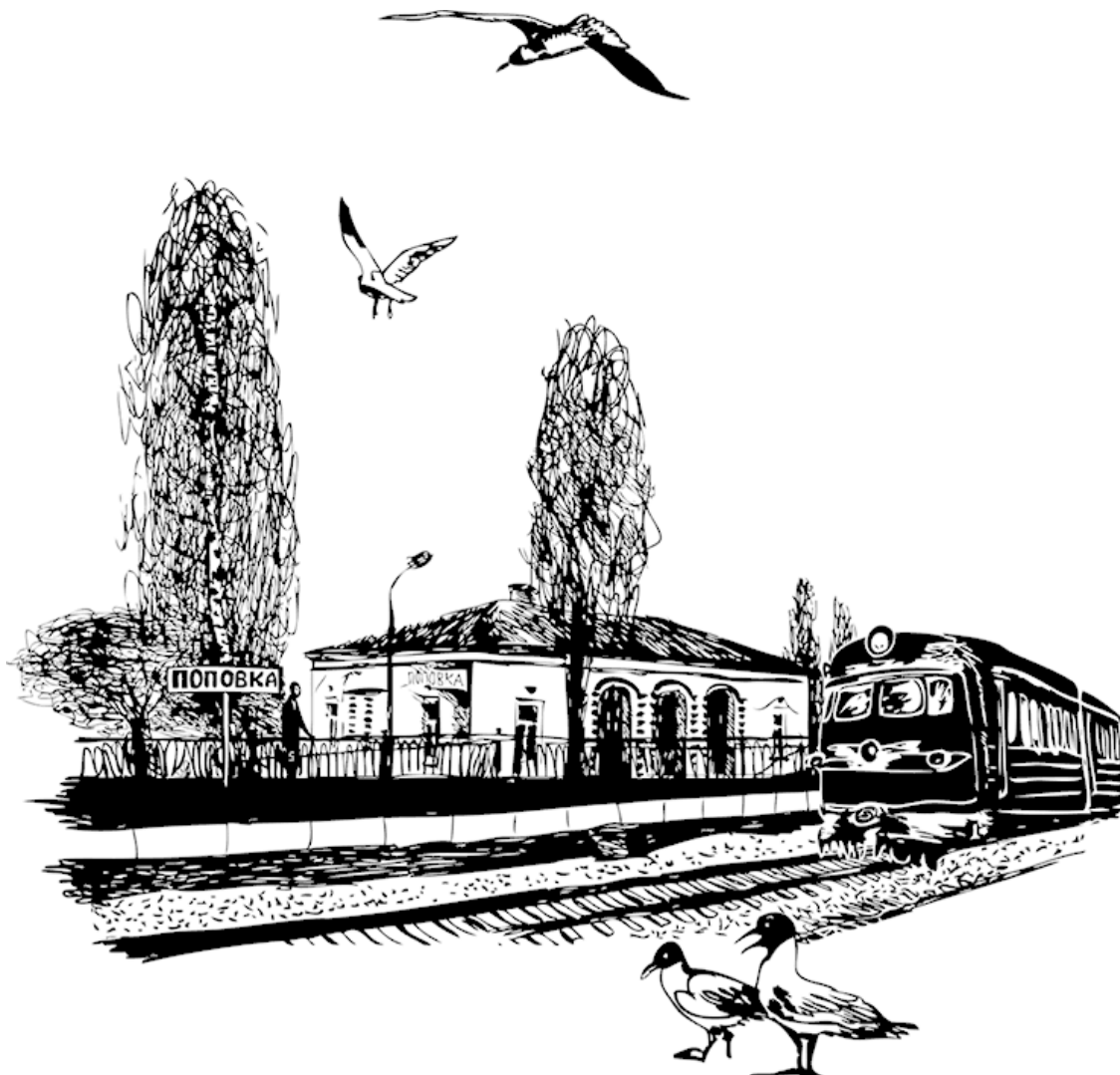
А мы – плывем, наш путь лежит домой...
Сгорел закат. Суда спустили флаги.
За ближним мысом виден Копенгаген.
И стих пора кончать беспутный мой.

Мигнул маяк. И выпустив шасси,
к земле спустился сизокрылый «Боинг», —
свистящий рев оставив за собою...
И ветромер – трепещет на оси.

И все казалось в отблесках зарниц,
что вывернуто Время наизнанку,
что где-то там —
в теряющемся замке —
все мечется,
все мучается принц...

1975

Возвращение

«Тихо. Грустно. Я один...»

Тихо. Грустно. Я один.
Время – полночь с хвостиком.
Скрыт от лютых холодин
в комнатухе простенькой.

Не пишу. Сижу, как царь.
Володею славно —
выражением лица
и настольной лампой.

Все заботы – на виду.
А спалось чтоб лучше —
домового заведу

с будущей полочки.

И друзей прикатит рать,
разузнав про это —
домового повидать
и меня проведать...

1969

Вид из окна

Ко мне в окно заглядывает луч
закатного светила каждый вечер —
весной попозже, осенью пораньше...
И я встаю и вижу из окна:
привычный двор, шеренгу тополей —
их каждую весной подстригают,
но к осени они опять лохматы
и веселы, как местная шпана...

Еще я вижу выставку белья —
исподнего, – и это очень мило,
сквозь форточку доносится ко мне
чуть слышный запах сырости и мыла.
Так вот что носит нынче мой сосед —
вот эти майки с синей окантовкой,
вон те трусы, кальсоны и носки...
А что жена – описывать неловко.

А рядом вишня норовит в окно
листвой залезть. Вокруг нее шиповник
разросся. Я сажал его давно.
Теперь он льнет, как преданный любовник,
к ее ветвям, и в нем тоска видна —
шиповники ревнивы, и упрямы,
и неказисты...
Впрочем, и она
не сакура на фоне Фудзиямы...

Но то сейчас, под осень,
а весной,
когда она вся в белом, как невеста,
цвела в окне раскрытом предо мной —
не наравне с шиповником, а вместо, —
куда ему, колючему кусту,
равняться с ней...
Ах, как она светилась!
...И мысли обретали высоту,
и телефон звонил, и счастье длилось...

1972

Ночью

- Что ты сказал?
- Что я люблю тебя.
- А что еще?
- Что мне не спится что-то.

...А тень в углу глядит на нас, скорбя,
находясь наподобье воробья
и затаенно вслушиваясь в шепот...

- Что ты сказал?
- Что кто-то слышит нас.
- Не может быть!
- Мне чудится дыханье...

...Она пришла уже в который раз
и, как всегда, она уйдет сейчас —
уже ушла, не вынеся свиданья...

- Что ты сказал?
- Что мы не так живем.
- Как так – не так?
- Не знаю, но обидно.

...Сейчас она, наверно, под дождем,
и кофточка промокла под плащом,
и мгла кругом, и даже слез не видно...

- Что ты сказал?
- Да спи ты, наконец!
- С тобой уснешь!
- Ну все, ну тише, тише...

...А ветер, вслед ей посланный гонец,
с какой-то вестью прибыл в наш конец —
шумит, колотит крыльями по крыше...

1974

«Деревья – как люди: в ненастное время печальны...»

Деревья – как люди: в ненастное время печальны
и словно с похмелья, когда изнывают от зноя.
Но если под вечер к ним ветер домчится случайный —
о, как они шепчут, щебечут у вас за спиною!

О как неизбежны и ласка, и нежность, и сила —
у старого дуба, у юного стройного клена,
когда, как монисто, встряхнет все листочки осина
и, как перед танцем, сгибает свой стан для поклона!

Пусть ваша подружка однажды не вас полюбила,
пусть ваша судьба и тычки принимает за милость,
но если в вас что-то когда-то хорошее было,
куда ему деться – все там же оно, затаилось...

И, может быть, надо не жизнью такой удручаться,
и ближних своих, и весь мир проклиная за это,
а просто до праздника, просто до звездного часа —
стоять на ветру и листву поворачивать к свету...

1975

Осенний сон

Развиднелось. Вышел месяц бледнорогий.
Печи топятся в домах. Собака лает.
А по сирой, по заплаканной дороге —
по колдобинам колдунья ковыляет...

В глине вязнет посошок. Шаги со всхлипом.
Вот идет она деревней, а за нею —
то береза разжелтеется, то липа,
то осина с кленом разом покраснеют.

Вот идет она к забору, за которым
дом со ставнями, где я лежу в постели.
Посошком стучит в ворота по запорам:
«Эй, откройте! Ночью птицы улетели!

Не живет ли здесь чужак с душой из камня?
Нынче птицы за сто верст такого чуют.
Дайте глянуть на него хоть в полглазка мне!
Вам помочь, да и ему помочь хочу я...»

Ей хозяйка отвечает: «Постояльцем
я довольна, уходи, нечиста сила!»
А она в глаза ей глянула и пальцем —
узловатым, крючковатым – погрозила.

И сказала: «В раззолоченные чаши
не сегодня-завтра стужа прокрадется.
Не глядеть бы вам на свет былого счастья,
как на звезды из глубокого колодца!»

Я проснулся, удивившись сновиденью.
Я подумал: «И приснится же такое!»
Сигарету закурил, пришел к сужденыю:
«Это все от духоты. Окно открою...»

И увидел... Утро. Месяц бледнорогий.
Печи топятся в домах. Собака лает.
А по сирой, по заплаканной дороге —
по колдобинам колдунья ковыляет...

1976

Первый снег

Вчера бюро прогнозов обещало,
что будет дождь, и ветер восемь баллов,
и листопад, и слякоть...
А с утра —
я выглянул в окно: еще смеркалось,
но что-то там шуршало и плескалось —
я не узнал знакомого двора!
Сарай наш превратился в балаганчик,
фонарь – в люминесцентный одуванчик,
корявый клен – в ажурный фейерверк;
из труб шел дым изящного покроя,
и нежный снег – безумие какое! —
выпархивал из облачных прорех...
Глаза зажмурь – так он нелеп:
летающий,
сентябрьский, пуховой, ненастоящий...
Все перепутал – месяц и квартал!
Еще никто на осень дум не тратил —
покупки шуб не примерял к зарплате,
лишвы не мел, щелей не конопатил,
лохматых астр с лотков не раскупал!..
И самому себе скажи украдкой:
в природе все должно быть по порядку,
бюро прогнозов – нужное бюро!
Но, даже отвернувшись от подарка,
открой глаза – как празднично, как ярко,
смахни слезу – как тихо, как бело...

1977

«Иней на окнах. За ними мороз...»

Иней на окнах. За ними мороз...
И неохотно душа просыпалась.
«Чаю бы, что ли?» – бубнила под нос,
зная, что в ведрах воды не осталось...
Нечего делать, и долго, с тоской
к стенке откидывала одеяло —
тусклая, с заспанной правой щекой —
и собиралась, пальто надевала.
Ведро брала, выходила за дверь.
Льдистой дорожкой прошла палисадник.
Но – поскользнулась! И только теперь —
в кроне березы – увидела праздник!
Там воробьи... или нет, снегири...
нет, воробьи, розовея от солнца,
так гомонили, что, черт побери —
тут и глухой, обомлев, поскользнется!..
То-то ей солнечно стало самой —
улицей топтать по правой сторонке,
дергать рычаг и обратно домой —
полные ведра нести от колонки!
И обращалась к заботам душа.
Силы давала ленивому телу.
И, несомненно, была хороша —
а как упрячилась,
как не хотела!..

1978

Кот

Милейший кот, намойте нам гостей!
Пожалуйста, ведь вы уже поели!
А у гостей есть уйма новостей.
Мы б посидели, выпили, попели...

И кот сигает в кресло прямиком,
и долго, снисходительный, как ментор,
наблюновивает лапу языком,
проникнувшивись серьезностью момента!

И я всерьез на эту ворожбу
смотрю и представляю, как сейчас вот —
у друга мысль ворохнулась во лбу:
«Заехать, что ли? Видимся не часто...»

А вот – второму вспомнилось о том,
решил зайти за третьим и четвертым...
Давайте все!
Мы вас с моим котом
прекрасно встретим!
Час езды,
чего там!

А если кот талантлив, то и та,
что до сих пор нет-нет да и приснится,
возьмет да и заявится в места
забытые —
к быломому прислониться...

...И стану ждать гостей я дотемна.
И лишь когда опять все станет ясно —
я закурю, налью себе вина...
И выгоню кота – за тунеядство.

1976

Омар

В давнем рейсе на Джорджес-банке
мы работали тралом донным —
и приплыл он, как бич по пьянке,
в груди хека – зеленым, сонным...

Но судьбу он встречал, как воин,
и усы вздымал предо мною,
и почтения был достоин,
нож мой шкерочный сжав клешнею!

С той поры он живым остался
только кадром на фотопленке...
С остальным я пять дней старался —
делал чучело на картонке!

Шиком было – из странствий шалых
в порт родимый прийти с омаром!
В Ленинграде во всех пивбарах
красовались они недаром...

И когда я с ним шел по трапу
и потом с ним катил в трамвае —
мир снимал предо мною шляпу,
явной зависти не скрывая!

О, романтика, труд рыбачий!
Обретения и утраты...
Года три он висел, маячил
украшеньем родимой хаты.

Ни волны ему, ни отлива.
Ни охоты ему, ни жажды.
Кот глядел на него лениво,
и на клочья разгрыз однажды...

1976

Визит

М. Гутману

Старушке – восемьдесят три.
Она сама открыла двери.
Заехал внучек и – смотри! —
еще бог весть кто, при портфелях...

Внук объяснял: – Проездом я, —
а мы, безвестные поэты,
вкушали сдобный дух жилья,
в снежочек тихвинский одеты...

Уже не помню, как там что,
но помню – бабка пела песни,
закуску выставив на стол
и даже выпив с нами вместе...

А песни были – просто ах! —
о лебедицах с тонким станом,
о тех валдайских молодцах,
что завтра рекрутами станут...

Певунья кашляла в платок,
Допев куплет, – и снова песню!
А голосок – высок, высок
и так по краешку надтреснут...

И был печален наш уход
от этой старости беспечной,
где если кто и подпоет —
так только лишь сверчок запечный...

1976

Гомер

Слепой старик о Трое не слышал.
Он в сорок первом – за рекою Мгою —
в бою столкнулся с пламенем и мглою...
С тех пор он мглу руками раздвигал...

Но мне и рук, сторожких и живых,
хватило, чтоб задуматься о сходстве —
во Всероссийском обществе слепых
на Волховском учебном производстве!

Неотличим от прочих, молчалив,
лишь седенькие лохмы на затылке —
он трудится, он даже в перерыв
все свинчивает штепсельные вилки...

А я стихи, держа с водой стакан,
вещаю, ожидая интереса —
о том, что на щите для Ахиллеса
впечатал в медь божественный чекан...

О городах, в которых я мужал,
о войнах, о которых только слышал,
о пашнях, вдоль которых проезжал,
о звездах, что видны над каждой крышей...

Об океанах, из которых путь
к родной Итаке и тяжел, и долог...
А сам волнуюсь, словно офтальмолог —
спешащий свет незрячему вернуть!

...Слепой старик лицо приподнимал,
детальки доставая из картонок,
и слушал так, как будто вспоминал,
и улыбался мудро, как ребенок.

1979

Плафон

Н. Никитину

На высоте мушиного полета,
весь в крапинках мушиного помета,
висит казенный матовый плафон,
и племя насекомое ночное,
являя нам старание смешное,
исследует его со всех сторон...

Спасибо вам, плафон шарообразный,
за то, что вы такой однообразный,
за то, что я – разиня из разинь! —
рванусь на свет, но вы меня спасете,
затрепещу, но вы в ответ споете
привычно и рассеянно: дзинь-дзинь...

И можно жить, не мучаясь сознанием,
что есть предел полетам и познаниям,
что это можно в формулы облечь, —
но страшно знать, что в двух шагах от света
мы можем жизнь – и думая об этом! —
прожить и даже крыльев не обжечь...

1976

Шкаф

В нашей комнате шкаф поселился!
Он сперва в магазине пылился,
а теперь он пылится у нас —
необъятен и мрачен, как бездна,
как сосед из второго подъезда —
две замочных дыры вместо глаз.

Что его ненасытной утробе —
три рубашки, да простыни обе,
да пальто, да штаны, да пиджак?
Захватил мою площадь жилую!..
Он живет здесь, а я – квартирую,
да и то в уголке, кое-как!

Друг остаться решил на ночевку —
тоже ежился как-то неловко
и полночи мотал головой...

Говорю:

– Что не спишь?

– Да не спится...

А засну, чушь какая-то снится!

Этот, купленный твой, как живой...

Гость другой говорил:

– Все поправим!

Этот гроб мы сейчас переставим!

Шум и грохот стоял на весь дом...

Переставили, но – без успеха.

...И расстроился гость, и уехал.

И – ни слуха, ни духа о нем...

Этот шкаф не разбойник безродный —
на его стороне оборотной
брезжит мебельной фирмы печать.
Но таю я на фирму обиду —
ведь нельзя же к уюту и быту
так насильственно нас приучать!

Я живу рядом с ним осторожно.
Примириться мне с ним невозможно!
И в предчувствии долгой войны
я завел специально в кладовке —
лом, топор, две зубастых ножовки...
Только шкафу об этом – ни-ни!

1977

Посещение южного рынка

На рынке центральном – чего только нету в продаже! —
зеленые горы укропа, салата и лука,
холмы помидоров, и яблок, и вишен, и даже —
балтийская сельдь иностранкой глядит из тузлука...

Горят георгины. Рассыпался куль с огурцами!
Наряд милицейский привычно гоняет цыганок.
И жирные куры ведут перебранку с гусями.
И рядом с фуганком, как брат, притулился рубанок...

И так сиротливо соседствуют – с крупной картошкой,
с гвоздями, и воблой, и пестрым ковром домотканым —
потрепанный Пушкин, и Герцен, помятый немножко,
и видевший виды Дюма, и Гайдар с Мопассаном...

– Почем огурцы?
– Рупь с полтиной, берите лукошко!
– Тургенев почем?
– Да за шесть карбованцев, касатик!
– Давайте за три!
– Да вы только подумайте трошки,
какой был писатель Тургенев, какой был писатель!..

Итак, помидоры – пятерка, и Гоголь – пятерка!
И если, допустим в уме, обойтись огурцами,
то сдвинется круг и пройдетя чечеточкой Теркин
иль юный Гринев пролетит по степи с бубенцами!..

Торговля шумит – где на совесть нажмут, где на голос!
И только кавказцы сидят среди груш отрешенно...
И алый бутон развернул на бедлам гладиолус —
и вот уже щерится он, как раструб граммофонный!

И ропщет кабан, и толкает хозяина боком,
не в силах терпеть этот гомон и торг задушевный!
И люди проносят авоськи – с картошкой и Блоком,
а то и с Флобером, Флобер – тяжелей и дешевле...

1977

Двое

Лениво, мягко всплескивал прибой.
Маяк мигал, как сторож полусонный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.